

Литература

1. Вебер М. Политические работы, 1895–1919 = *Gesammelte Politische Schriften*, 1895–1919 / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Практикс, 2003.
2. Грамши А. Тюремные тетради: [пер. с итальянского]. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991.
3. Кант И. Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 1. М.: Мысль, 1963, 543 с.
4. Краснов М.А. Ответственность власти: (Государство в открытом обществе) / Ин-т «Открытое общество». М.: Магистр, 1997. 55 с.
5. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / [ред. и примеч.: И.С. Нарский, А.Л. Субботин; пер. с англ. А.Н. Савина]. М.: Мысль, 1985–1988. Т. 3.
6. Миль Дж. Ст. О свободе: Антология мировой либеральной мысли: (I половина XX века) / [Ин-т философии РАН]; Отв. ред. М.А. Абрамов. М.: Прогресс-традиция, 2000. 693 с. ISBN: 5-89826-020-X.
7. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения [Текст] / [Общая ред. и вступ. статья проф. М.П. Баскина]; [Примеч. Р.С. Миндлиной]; Акад. наук СССР. Ин-т философии. М.: Госполитиздат, 1955. 800 с.
8. Солодкая М.С. Ответственность субъекта управления: состояние проблемы и перспективы исследования // *Credo*. 1998. № 1.
9. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Тома I–III. М.: типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1894. Т. I. С. 232.
10. Юм Давид. Трактат о человеческой природе / перевод с англ. С. Церетели. М.: АСТ, 2022. 799 с.

DOI: 10.34773/EU.2024.2.26

Эволюция парадигм политического транзита: от линейности к разновекторности*

The Evolution of Political Transit Paradigms: from Linearity to Multi-Vector

И. ЗУБАЙДУЛЛИН

Зубайдуллин Игорь Юрьевич, аспирант 4 года обучения Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий. E-mail: zubaydullin94@mail.ru

В статье проанализирована эволюция существующих парадигм политического транзита. Политическая практика показала, что наличия одного линейного подхода недостаточно. В результате были предложены четыре парадигмы политического транзита, которые позволяют охватить все многообразие современных политических транзитов.

Ключевые слова: политический транзит, транзитология, демократический режим, авторитарный режим, гибридный режим, тоталитаризм, авторитаризм, демократия.

The article analyzes the evolution of existing paradigms of political transit. Political practice has shown that having one linear approach is not enough. As a result, four paradigms of political transit have been proposed, which make it possible to cover all the diversity of modern political transits.

Key words: political transit, transitology, democratic regime, authoritarian regime, hybrid regime, totalitarianism, authoritarianism, democracy.

* Ссылка на статью: Зубайдуллин И.Ю. Эволюция парадигм политического транзита: от линейности к разновекторности // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 2. С. 159–164. DOI: 10.34773/EU.2024.2.26.

Введение

На сегодняшний день проблема парадигм политического транзита находится в фокусе политологии. Практика политического развития государств показала, что наличия одного линейного подхода недостаточно. Линейный подход не может объяснить причины отката некоторых государств к новому авторитарному режиму.

Цель исследования: исследовать парадигмы политического транзита на основе существующей политической практики за последние два десятилетия.

Результаты

За последние два десятилетия наблюдается эволюция парадигм политического транзита из-за обогащения политической практики многообразием транзитов. Первой парадигмой был линейный подход. Многочисленные исследователи в процессе изучения динамики политического прогресса рассматривали эволюцию политических систем через призму последовательного движения, начиная с разрушения авторитарных и тоталитарных структур в сторону формирования устойчивых либеральных демократических государственных устройств.

Исходя из предпосылки, что цель всех государств – достижение устойчивой либеральной демократии, предполагалось, что процесс демократизации будет универсальным для всех стран, пребывающих в переходном периоде. Этот процесс предполагает последовательное прохождение нескольких фаз: начиная с ослабления и разрушения авторитарных структур, переход к либерализации политического режима, затем – к шагам по институционализации демократических принципов, далее следует период неполной демократии, завершающийся формированием полноценной либеральной демократии.

Линейный подход в своем развитии прошел несколько этапов.

Первый этап (1960–1989). В это время появляются первые работы, которые касались транзитологической проблематики. Особого внимания заслуживают работы таких авторов, как С. Хантингтон [11] и Б. Мур [13], ориентированные на изучение процессов социальных трансформаций. В 1970 году была опубликована статья Д. Растоу, названная «Переходы к демократии: попытки динамической модели» [14], которая также вносит вклад в исследование данной тематики.

На первом этапе в транзитологии господствовала теория модернизации. Сеймур Мартин Липсет разработал классическую концепцию в духе теории модернизации. Она заключается в том, что существует зависимость между экономическим ростом и уровнем демократии. [5].

В конце 1960-х годов теория модернизации стала подвергаться критике. Более всего критика теории модернизации была направлена на то, что она признавала только западную модель развития, которая должна служить ориентиром развития для всех обществ. Критические замечания по поводу теории модернизации были связаны с ее тенденцией к обобщению процессов развития, при этом не принимая во внимание уникальные культурные и социальные характеристики анализируемых обществ.

Переход ко второму этапу (конец 1980-х – вторая половина 1990-х гг.) в эволюции теории транзитов ознаменовался крушением Советского Союза и крахом коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы. Разрушение коммунистических режимов и практическая синхронность демократических переходов в этих странах вызвали широкий интерес и дискуссии.

На данной стадии изучения демократических транзитов в центр внимания выходят фундаментальные труды, посвященные теоретическим и практическим аспектам этого процесса. Ключевыми работами являются «Третья волна. Демократизация в конце XX века» (1991г.) С. Хантингтона [10] и «Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке» Адама Пшеворского, вышедшая в 1992 году [8].

Существенные трансформации в подходах к анализу демократических транзитов на этом этапе включают:

Во-первых. Переосмысление приоритетов исследования: от структурных аспектов к влиянию элит и процедурных факторов, а также к изучению последствий процесса перехода.

Во-вторых. Превалирование концепции неинституционализма, которая оказала значительное влияние на понимание внутренней структуры и организационной иерархии политических институтов. Представители этого направления утверждают, что политические институты служат основой для договоренностей о взаимодействии между политиками.

В-третьих, пристальное внимание стали уделять проблемы двойных переходов – одновременного перехода к демократии и рыночной экономике.

На втором этапе произошло развитие транзитологии. Произошло смещение акцента на роль элит, которые, по мнению исследователей, и оказывают влияние на процесс транзита.

На третьем этапе развития транзитологии, начиная с конца 1990-х годов и продолжаясь до сегодняшнего дня, основное внимание уделяется транзитным процессам, которые характеризуются неопределенностью и замедлением в государствах Центральной и Восточной Европы, в странах бывшего СССР.

В это время появляются новые работы по теории транзита – «Contemporary Ukraine: dynamics of post-Soviet transformation» Т. Kuzio (1998 г.) [12,] Белл Д. «Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века» (2007 г.) [1]; Т. Карозерс «Конец парадигмы транзита» [4] и др.

На третьем этапе развития транзитологии были разработаны новые концепции политических транзитов потому, что стало видно, что не всегда страны от тоталитаризма/авторитаризма обязательно переходят к демократии – может сложиться и новый авторитарный режим.

Можно сказать, что на третьем этапе развития начинается отступление от линейного подхода. После анализа и наблюдений за постсоветскими странами линейный подход сменился разновекторным подходом. Сегодня больше говорят о «демократическом откате», «диффузии авторитаризма». Современные авторитарные режимы различны по своему типу – от обломков тоталитарных систем до монархий, диктатур, военных режимов. Сюда можно отнести и большинство стран третьей волны демократизации. В нескольких государствах попытки демократизации потерпели неудачу и авторитарные режимы снова укрепились. В эту группу входят некоторые страны бывшего Советского Союза (Белоруссия, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан), Латинской Америки (Венесуэла, Боливия, Эквадор, Никарагуа). Этими странами управляют силы, которые прочно захватили власть. Очень трудно в обозримом будущем представить в этих странах приход оппозиции к власти.

Между старыми демократиями и современными авторитарными режимами располагаются так называемые «промежуточные» или «трансформационные» режимы, которые находятся в стадии транзита. Политические режимы, получившие наименование «гибридные», отличаются наличием структур, характерных для демократии. Однако важно понимать, что такие структуры служат лишь поверхностной декорацией. В данных режимах механизмы, предполагаемые для обеспечения демократической ротации власти, на самом деле не выполняют свою прямую функцию. Вместо этого, в рамках «гибридных» политических режимов, эти так называемые демократические институты функционируют с целью поддержания статус-кво и укрепления позиций доминирующей группы. Такие государства обладают некоторыми признаками демократии: имеются демократические конституции, регулярно проводятся выборы, существует узкое поле для деятельности оппозиции. Но при этом для них характерен низкий уровень участия граждан в политической жизни, правительство слабо представляет интересы граждан, выборы фальсифицируются. Фарид Закария называет «гибридные режимы» нелиберальной демократией [3, 89].

В современном политическом ландшафте рядом с традиционными формами автократии можно наблюдать появление и укрепление новых типов авторитарных режимов. Эти режимы, возникшие в результате многообразных процессов трансформации, происходящих в последние десятилетия, включают в себя такие формы управления, как новые «выборные монархии», «наследственные президентства», «клановые режимы» и т.п.

В результате, можно сказать, что линейный подход больше не соответствует действительности. Страны, которые исследователи и аналитики зачастую классифицируют как находящиеся в процессе трансформации, на деле демонстрируют признаки формирования закрепившихся авторитарных структур. Следуют подчеркнуть: реальность демонстрирует, что эволюция от авторитарного или тоталитарного режима не всегда ведет к демократизации или новым формам авторитаризма, но может также привести к состоянию хаоса или устойчивой нестабильности.

Суммируя все вышесказанное можно заключить, что политический транзит означает смену одной системы управления (формы государственного устройства) на другую, причем это изменение не ограничивается только переходом от авторитаризма к демократическому режиму. Следовательно, любое преобразование в структуре правления (властных отношениях) является примером политического транзита (от монархии к республике, от демократии к авторитаризму, от тоталитаризма к демократии). Переход от одной формы правления (политического режима) к другой зависит от субъективных и объективных факторов.

Таким образом, существующих подходов недостаточно. Чтобы охватить все многообразие политических транзитов, их можно выразить в четырех парадигмах.

Первая – переход от авторитаризма и тоталитаризма к хаосу (устойчивой нестабильности) (Йемен, Сирия, Ливия).

В Йемене в 2011 году антипрезидентские выступления вылились в свержение президента Али Абдалла Салеха. В то же время конфликт между правительством и шиитскими повстанцами – хуситами вступил в новую фазу. В период с 2014 по 2015 годы напряженность между сторонами достигла такой степени, что переросла в вооруженное противостояние. Это стало причиной для вмешательства военных сил арабских стран под предводительством Саудовской Аравии. Согласно отчетам Организации Объединенных Наций, в Йемене более 2,3 миллиона детей страдали от голода [6, 127].

Сирия – это еще один пример государства, в котором внутренние конфликты привели к гражданской войне. Конфликт в Сирии характеризуется двумя ключевыми аспектами: во-первых, разногласиями между сторонниками шиитского и суннитского направлений ислама, во-вторых, противоборством между сирийской властной структурой, представленной партией «Баас», стремящейся к социалистическому возрождению, и исламистскими группировками, среди которых выделяется движение «Братья-мусульмане». В этой многоаспектной борьбе за власть участвуют различные силы: президент Башар аль-Асад, получающий поддержку от бойцов «Хезболлы» из Ливана, иранских волонтеров и России; Национальная коалиция Сирии, за которую выступает Свободная сирийская армия; а также разнообразные группировки, включая мафиозные объединения и джихадистов. [7, 206]. Каждая из сторон заинтересована в том, чтобы во главе Сирии находился их сторонник.

Ливия получила независимость в 1951 году в качестве Объединенного Ливийского королевства. После революции к власти пришел Муаммар Каддафи, который установил в стране диктаторский режим. Каддафи находился у власти 42 года. В результате революции 2011 года он был убит протестующими. Падение режима Муаммара Каддафи под ударами исламской оппозиции и коалиции западных стран не привело к улучшению жизни граждан.

Вторая парадигма – переход к неразвитым формам демократии (Доминиканская Республика, Колумбия, Мексика, Перу, Сальвадор, Грузия, Украина, Армения, Молдова, Румыния, Болгария, Польша, Венгрия, Киргизия) [9].

Если на предыдущих этапах исследователи имели дело с классификацией транзитов как переход от тоталитарных, авторитарных режимов к демократии, то теперь они вынуждены охватывать не только этот переход, но и последующую динамику режимов. Для примера можно посмотреть на Киргизию. В начале 2000-х годов Киргизия была центральноазиатским авторитарным режимом, но в последние 15 лет демонстрирует уже иную динамику.

Такой подход позволяет проследить нелинейные траектории развития стран, которые входят в эту группу. Например, Польша и Венгрия на первом этапе посткоммунистического развития совершили успешный переход к либеральной демократии. Однако в дальнейшем Польша

пошла в другом направлении – в сторону консервативной автократии. А Венгрия пошла в сторону сначала патрональной демократии, а затем патрональной автократии. Другой вариант транзита характерен для Румынии, Македонии и Украины. Эти страны никогда не были либеральными демократиями. Здесь установилась патрональная демократия, в которой одни группы стремятся закрепить свое господство, а другие группы сопротивляются этим попыткам.

Надо сказать, что масштабы авторитарного отката зависели от особенностей каждой конкретной страны. На Украине попытки президентов Леонида Кучмы и Виктора Януковича установить авторитарный режим провалились из-за сопротивления элит.

Традиции политической культуры, которая ориентирована на достижение «компромисса», отсутствие общенациональной идентичности, неприятие элитами авторитарной системы управления не позволили президенту Молдовы Владимиру Воронину установить авторитарный режим.

Подобная тенденция характерна не только для стран постсоветского пространства. К этой же группе относятся и некоторые страны Латинской Америки.

Стоит подчеркнуть, что «гибридные режимы» (неразвитые формы демократии) не соответствуют идеалу политического порядка. Но подобные политические режимы обеспечивают достаточно высокий уровень политического участия и гражданских свобод, что в общих чертах соответствует определенным историческим периодам становления демократии на Западе.

Третья парадигма – переход от тоталитаризма к авторитаризму (Венесуэла, Боливия, Эквадор, Никарагуа, Белоруссия, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан) [9].

Тридцать лет назад существовала практически всеобщая уверенность, что время авторитарных и тоталитарных режимов ушло в прошлое. Хотя теория «третьей волны» и допускала авторитарный откат, тогда в него никто не верил. Новая волна авторитарных режимов накрыла не только постсоветские страны. Авторитарный подъем заметен и в странах Латинской Америки.

Почему же в некоторых государствах бывшего Советского Союза установились авторитарные политические режимы? В руках новых элит произошла консолидация власти и собственности, а сами элиты со временем становились более закрытыми. Это привело к их автономии от общества, где граждане отказались отрезаны от собственности и от механизмов принятия решений. Также на траекторию постсоветского развития повлияли выборы 1990 года. Как пишет К.Ю. Рогов в статье «Учредительные выборы 1990 года и траектории постсоветского транзита», в тех странах, где оппозиция на выборах 1990 года одержала победу, установился демократический политический режим. А в тех государствах, в которых оппозиция не смогла себя проявить, был установлен новый авторитаризм. В Белоруссии, Азербайджане, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане и Туркменистане оппозиция на выборах 1990 года получила от 0 до 15% голосов. [2, 194].

Все это привело к девальвации демократических процедур, свертыванию демократических реформ. Эти страны перешли от построения демократии к ее имитации. Но были страны, в которых авторитарный режим установился с момента их возникновения (Узбекистан, Туркменистан).

Страны Латинской Америки также подверглись авторитарному подъему. В Боливии, Венесуэле, Эквадоре, Никарагуа появляются авторитарные тенденции, связанные с продлением сроков президентских полномочий, ограничениями свободы слова и деятельности оппозиции, усилением полномочий исполнительной власти и т.д. Наиболее проблемными странами Латинской Америки остаются Венесуэла и Боливия.

Четвертая парадигма – путь к демократии (Литва, Латвия, Эстония, Чехия, Словения, Словакия, Бразилия, Уругвай, Чили, Коста-Рика) [9].

Страны Прибалтики включаются политологами в группу государств, которые наиболее успешно прошли демократический транзит. Страны Латвии, Литвы, Эстонии причисляются к государствам «функционирующей демократии».

В Чехии, Словении и Словакии на удачный исход политического транзита, который привел к стабильности и функционированию демократических институтов и процедур, повлияли два фактора. Первый – это ориентация на Запад и стремление «вернуться» в Европу. Второй – это сами страны Западной Европы, близость к которым предопределила направление постсоциалистического развития этих стран.

Политический транзит в странах Латинской Америки имел свои особенности. По данным исследовательского издания The Economist Intelligence Unit, за 2020 г. только Бразилию, Чили, Уругвай и Коста-Рику можно отнести к странам, которым удалось прийти к демократии.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что политический транзит отличается многообразием траекторий своего развития. И в дальнейшем политический транзит будет проходить в рамках этих четырех парадигм. Но нельзя исключать, что будут появляться и новые парадигмы. На политический транзит влияет сочетание субъективных и объективных факторов. Именно от сочетания этих факторов зависит траектория политического транзита.

Литература

1. Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М.: Ж-л «Свободная мысль»; Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
2. Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / Под ред. К. Рогова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 448 с.
3. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за ее пределами / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
4. Карозерс Т. «Конец парадигмы транзита» // Политическая наука. 2004. № 2. С. 42–65.
5. Липсет С.М., Сен К.-Р., Торрес Д.Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология. 1993. № 3. С. 5–38.
6. Малащенко А. В. Ближневосточные конфликты: вероятность обострения в контексте общей нестабильности в регионе в 2020-е годы // Пути к миру и безопасности. 2021. № 1(60). С. 120–132.
7. Орлова С.В., Седова Т.В. Арабская весна: надежды и разочарования // Власть. 2016. Т. 24. № 10. С. 205–211.
8. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ.; Под. ред. проф. В.А. Бажанова. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 318 с.
9. Рейтинг стран по уровню демократии за 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/democracy>
10. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
11. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.
12. Kuzio T. Contemporary Ukraine: dynamics of post-Soviet transformation. New York: M.E. Sharpe, 1998. 290 p.
13. Moor B. Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy: lord and peasant in the making of the modern world. Boston: Beacon, 1966. 559 p.
14. Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. No. 3. Pp. 337–363.